

Перспективы управления глобальными экономическими процессами¹

С.А. АФОНЦЕВ, доктор экономических наук, ИМЭМО РАН, МГИМО (У) МИД России, Москва

За годы, прошедшие с начала глобального экономического кризиса в 2008 г., механизмы управления глобальными экономическими процессами претерпели существенные изменения. Был достигнут заметный прогресс в преодолении «дефицита демократии», долгое время создававшего серьезные проблемы для развития международных экономических институтов. Тем не менее дилемма легитимности и эффективности в деятельности соответствующих институтов по-прежнему сохраняет свою остроту. В этих условиях глобально значимые инициативы регулирования мировой экономики должны дополняться использованием более узких клубных форматов сотрудничества. Инициативы в финансовой сфере, выдвинутые странами БРИКС в 2014 г., наглядно иллюстрируют потенциал данного подхода.

Ключевые слова: управление глобальными экономическими процессами, международные экономические институты, дилемма эффективности и легитимности, «Группа двадцати», БРИКС

Больше демократии – выше гетерогенность интересов

За годы, прошедшие с начала экономического кризиса в 2008 г., механизмы управления глобальными экономическими процессами претерпели существенные изменения. Был достигнут заметный прогресс в преодолении «дефицита демократии», долгое время создававшего серьезные проблемы для развития международных экономических институтов, главную роль в которых играли экономически развитые страны². С одной стороны,

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований ОГПМО РАН «Формирование основ многополярного миропорядка и роль России в этом процессе».

² Nye J. S. The «Democracy Deficit» in the Global Economy: Enhancing the Legitimacy and Accountability of Global Institutions. Washington: Brookings Institution Press, 2003; Green J. Engaging the Disenfranchised: Developing Countries and Civil Society in International Governance for Sustainable Development. An Agenda for Research. The United Nations University, Institute for the Advanced Study of Sustainability Report, February 2004; Langmore J. and Fitzgerald Sh. Global Economic Governance: Addressing the Democratic Deficit // Development. – 2010. – V.53. – № 3. – P. 390–393.

благодаря участию в «Группе двадцати» ведущие страны с развивающимися рынками получили возможность расширить свое влияние на формирование глобальных «правил игры» в экономической сфере. Новая роль «Группы двадцати» открыла для этих стран реальную возможность транслировать свою возросшую значимость в глобальном производстве и торговле в сферу регулирования мировой экономики. Напротив, роль механизмов «Большой восьмерки/семерки» свелась в основном к координации позиций экономически развитых стран по поводу вызовов, стоящих перед их национальными экономиками. Приостановление членства России в данном клубе (март 2014 г.) привело к дальнейшему укреплению этого тренда.

С другой стороны, определение повестки дня управления глобальными экономическими процессами перестало быть монополией национальных государств: большинство складывающихся в настоящее время механизмов допускают широкое вовлечение организаций гражданского общества. Хотя препятствия для продуктивного их участия в этих процессах остаются серьезными³, а наиболее масштабная инициатива, выдвинутая в данной сфере («Саммит народов», состоявшийся параллельно с конференцией ООН по устойчивому развитию «РИО+20» в 2012 г.), имела достаточно ограниченные последствия, вклад организаций гражданского общества невозможно игнорировать, и их сотрудничество с такими международными структурами, как экономические организации системы ООН и Всемирный банк, на протяжении последнего десятилетия позволил получить впечатляющие результаты.

То же самое можно сказать и о вкладе глобального бизнеса. В рейтинге крупнейших компаний FT Global 500 (март 2014 г.) фигурировали 175 бизнес-структур из стран с развивающимися рынками, причем 11 из них входили в число 100 компаний-лидеров рейтинга. Опора на ресурсы и компетенции транснациональных корпораций, представляющих широкий круг стран, позволяет использовать механизмы управления глобальными экономическими процессами для решения задач, связанных

³ *Dany Ch.* Janus-Faced NGO Participation in Global Governance: Structural Constraints for NGO Influence // *Global Governance.* – 2014. – V.20. – № 3. – P.419–436.

с обеспечением стабильности мировой экономики и ее перехода к новой модели роста.

Благодаря возросшему участию стран с развивающимися рынками, структур гражданского общества и ТНК в формировании повестки дня управления глобальными экономическими процессами, новые правила и нормы, выработанные для регулирования мировой экономики, имеют более высокие шансы получить широкую международную поддержку. Это, однако, не снижает остроты *дилеммы легитимности и эффективности*⁴. Чем шире круг участников переговоров и выше гетерогенность их интересов, тем сложнее найти устраивающее всех решение. Например, конфликт интересов между ключевыми группами заинтересованных стран по поводу реформ международных финансовых институтов оказался настолько глубок, что все попытки вывести реформу из тупика до сегодняшнего дня не дали позитивного результата.

Наличие указанной дилеммы объясняет характерную для последнего десятилетия тенденцию к усилению роли механизмов управления глобальными экономическими процессами клубного типа с ограниченным членством⁵. Наиболее показательным примером данной тенденции является деятельность БРИКС. За считанные годы БРИКС проделал путь от аббревиатуры, пущенной в оборот аналитиками финансового рынка, до межгосударственной организации, в рамках которой было принято решение создать собственный банк развития и резервный валютный пул. Приглашение в подобные страновые клубы новых стран со схожими интересами может стать многообещающей стратегией.

Глобальные правила для глобальной экономики

Обеспечение устойчивости мировой экономики и стимулирование ее роста позиционируются в качестве основных приоритетов

⁴ Gnath K., Mildner S. – A., and Schmucker C. G20, IMF, and WTO in Turbulent Times. Legitimacy and Effectiveness Put to the Test. SWP Research Paper no.10, Berlin, August 2012; Bossone B., Malaguti M. Ch., Cafaro S. and Di Benedetto S. (eds.). Legitimacy and Effectiveness in Global Economic Governance. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013.

⁵ О роли соответствующих структур см.: Broome A. Issues and Actors in the Global Political Economy. – NY: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 80–91.

деятельности «Большой двадцатки»⁶. Опыт последних лет показывает, что обеспечение консенсуса по первому вопросу представляет собой достаточно сложную задачу, в то время как дискуссии по второму имеют больше шансов привести к позитивным результатам.

При обсуждении вопросов, касающихся обеспечения устойчивости мировой экономики, интересы различных групп стран существенно расходятся, причем формирование межстрановых коалиций для вывода ситуации из тупика является крайне маловероятным. Наибольший накал противоречий сопровождается *вопросом о реформе международных институтов*⁷. С учетом того, что интересы ведущих экономически развитых стран (прежде всего США), занимающих доминирующие позиции в структурах управления МВФ и Всемирного банка, входят в конфликт со стремлением стран с развивающимися рынками расширить свою долю голосов в соответствующих международных институтах, есть все основания сомневаться, что усилия «Большой двадцатки» смогут придать реформе новый действенный импульс.

Повышение стабильности энергетических рынков – другой потенциально конфликтный пункт повестки дня «Большой двадцатки». Принимая во внимание навязчивую озабоченность стран ЕС вопросами «энергетической безопасности» в отношениях с Россией, растущее международное соперничество в сфере разведки и добычи нефтегазовых запасов Арктического региона, а также высокий накал дебатов относительно причин и следствий процессов секьюритизации на энергетических рынках, в энергетической сфере трудно ожидать нахождения межстранового консенсуса за пределами достаточно узкого круга вопросов, связанных с энергосбережением и техническими аспектами функционирования энергетических рынков.

Противоречия по некоторым пунктам повестки дня начинаются непосредственно с дефиниций. Для США *«модернизация глобальной налоговой системы»* – фактически всего лишь

⁶ Коммюнике лидеров «Группы 20» по итогам саммита в Брисбене. Ноябрь 2014 г. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d51ac333c6c9b83233.pdf> (дата обращения: 04 декабря 2014 г.); A G20 Agenda for Growth and Resilience in 2014. G20 Policy Note, July 2014. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2014/2014-policy-notes.html> (дата обращения: 04 декабря 2014 г.).

⁷ Смыслов Д. В. Реформирование Международного валютного фонда: проблемы и решения // Деньги и кредит. – 2012. – № 1. – С. 36–43; № 2. – С. 33–44; Vestergaard J. and Wade R. H. Out of the Woods: Gridlock in the IMF, and the World Bank Puts Multilateralism at Risk // IIIS Report. – 2014. – Jun.

эвфемизм, скрывающий за собой наступление на офшорные финансовые центры и различного рода практики налоговой оптимизации. В глазах многих экспертов из стран ЕС инициативы, направленные на совершенствование глобального налогового режима, до сих пор ассоциируются с идеей налогообложения сделок на глобальных финансовых рынках в духе пресловутого «налога Тобина». В свою очередь страны с развивающейся рыночной экономикой настаивают на том, чтобы сохранить возможность использования налоговых стимулов для поддержки экономического развития через привлечение иностранных инвестиций и компетенций.

Сравнительный вес США в глобальной финансовой системе оставляет мало сомнений в том, что остальные страны в конечном итоге вынуждены будут согласиться – под угрозой применения к ним норм американского Закона о налогообложении зарубежных счетов (Foreign Account Tax Compliance Act) – с предложениями по налоговой реформе, разработанными в Вашингтоне. Однако такого рода вынужденное согласие едва ли можно рассматривать как результат подлинного международного сотрудничества⁸.

Серьезный прогресс в деле **укрепления глобальной торговой системы** также маловероятен. В 2008–2010 гг. «Большая двадцатка» внесла неопределимый вклад в борьбу с угрозой резкого нарастания протекционизма в международной торговой политике. Вместе с тем у нее отсутствуют инструменты, которые позволили бы справиться с наиболее болезненными вызовами для международной торговой системы, возникшими в 2014 г., в том числе с эскалацией барьеров в экономических отношениях между Россией и рядом зарубежных стран⁹. Более того, как свидетельствует судьба решений 9-й Министерской конференции ВТО (Бали, декабрь 2013 г.), спектр приемлемых для стран-членов ВТО мер по дальнейшей либерализации глобальной торговли крайне узок даже в тех сферах, где рассматриваемые вопросы были максимально адаптированы к интересам развивающихся стран, которые

⁸ См.: Palan R. and Nesvetailova A. The Governance of Black Holes in the World Economy: Shadow Banking and 'Offshore' Finance. In: Moshella M. and Weaver C. (eds.). Handbook of Global Economic Governance. Players, Power and Paradigms. – NY: Routledge, 2014. – P. 286–200.

⁹ Сметс М. Несовместимые цели: санкции и ВТО // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т. 12, № 4. – С. 130–142.

являются в последние годы основными оппонентами инициатив по либерализации торговли¹⁰.

Показательно, что имплементация Балийских решений была заблокирована из-за позиции одной из стран-членов «Большой двадцатки» – Индии. При этом доводы Индии в пользу сохранения существующей политики формирования государственных запасов продовольствия являются полностью обоснованными с учетом того, какую роль механизмы поддержки доходов фермеров играют в обеспечении внутривнутриполитической стабильности в этой стране.

Данный пример иллюстрирует тот факт, что правила и нормы, устанавливаемые на уровне международных механизмов, могут оказаться работоспособными лишь в том случае, если они помогают вовлеченным в эти механизмы странам находить адекватные ответы на вызовы, стоящие перед их экономиками, не создавая при этом новых вызовов – экономических или политических.

С учетом сказанного наибольший прогресс в деле повышения устойчивости глобальной экономики можно ожидать по направлениям реформы *финансового регулирования* и *борьбы с коррупцией*. Оба этих вопроса, во-первых, представляют интерес для различных групп стран-членов «Большой двадцатки» и, во-вторых, содержат значительное число технических аспектов, согласие по которым может быть достигнуто даже в том случае, если по другим, более «политически нагруженным» вопросам консенсус не будет найден. Прекращение политики поддержки участников рынка, «слишком крупных, чтобы обанкротиться», является примером соблюдения первого условия, в то время как совершенствование регулирования рынков финансовых деривативов дает представление о втором.

Для политики борьбы с коррупцией, в свою очередь, характерно сочетание обоих условий. Она способна внести значительный вклад в улучшение инвестиционного климата в странах с развивающимися рынками и в расширение налоговой базы в экономически развитых странах, озабоченных вопросами налоговой дисциплины. Одновременно она опирается на развернутый набор существенно «деполитизированных» правовых норм, причем некоторые из них уже успешно протестированы в странах ОЭСР.

¹⁰ World Trade Report 2014. Trade and Development: Recent Trends and the Role of the WTO. Geneva: WTO. 2014. – P.186–206.

В отличие от вопросов, связанных с обеспечением устойчивости глобальной экономики, приоритетные вопросы стимулирования экономического роста имеют значительно больше шансов получить широкую поддержку со стороны стран-членов «Большой двадцатки». Даже если расхождение интересов между ними и возникнет, сам характер обсуждаемых решений будет способствовать формированию более узких коалиций, которые смогут добиться позитивного результата.

Стимулирование инвестиций и развитие инфраструктуры является, вероятно, лучшим примером проблемной области, где сотрудничество может развиваться в разных форматах. С одной стороны, сокращение барьеров для реализации долгосрочных инвестиционных проектов в развивающихся экономиках поможет им преодолеть многомиллиардный дефицит инфраструктурных капиталовложений, обеспечивая одновременно привлекательную отдачу на капитал для инвесторов, привыкших за последние годы к низким процентным ставкам и высокой волатильности фондовых рынков экономически развитых стран. Традиционные институты, занимающиеся вопросами финансирования развития (такие, как Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития), также могут внести свой вклад в кредитование капиталоемких проектов. С другой стороны, улучшение инвестиционного климата может открыть новые горизонты для деятельности менее инклюзивных институтов финансирования развития, подобных недавно анонсированному Новому банку развития стран БРИКС (см. ниже).

Поддержка занятости и создания рабочих мест также имеет высокий потенциал как в сфере принятия глобально значимых решений, так и в реализации инициатив с вовлечением меньшего числа стран-участниц. При этом спектр приемлемых для конкретных стран решений зависит от сочетания внутренних и внешних вызовов, с которыми сталкиваются экономики соответствующих стран. Так, для экономически развитых стран (в частности, стран ЕС) создание рабочих мест служит ключевым инструментом борьбы с безработицей. Напротив, для быстро растущих стран с развивающимися рынками приоритетом является повышение уровня производительности. Достигнув первоначальных успехов с опорой на структуру занятости, отвечающую задаче использования многочисленной и дешевой рабочей силы, для укрепления

своих позиций на глобальных рынках эти страны должны теперь направить значительные усилия на создание рабочих мест в более капиталоемких и более высокотехнологичных секторах¹¹.

Для остальных стран развивающегося мира (в первую очередь, африканских) главный вызов заключается в обеспечении перетока рабочей силы из низкопроизводительных традиционных отраслей (в первую очередь сельского хозяйства и кустарной промышленности) в более производительные, что будет способствовать повышению доходов населения и внутреннего спроса, а также создаст стимулы для инвестиций в человеческий капитал.

Общие меры по улучшению инвестиционного климата (такие, как совершенствование защиты прав собственности и усилия по борьбе с коррупцией) сохраняют актуальность для подавляющего большинства стран, в то время как нахождение ответа на вызовы, специфичные для конкретных государств, требует поиска более таргетированных решений. Подобный поиск может осуществляться в рамках страновых клубов, поскольку страны, сталкивающиеся со сходными вызовами, с большей вероятностью смогут найти взаимоприемлемые решения.

Аналогичный клубный подход может быть использован применительно к вопросам, связанным с *сокращением барьеров в торговле и развитием конкуренции*. Как было показано на примере решений Балийской конференции, следование принципу «одно решение для всех» применительно к проблемам регулирования международной торговли оказывается крайне проблематичным. В этих условиях нахождение прагматических решений требует применения «мультитрековой» стратегии, предполагающей, что решения, принимаемые конкретными группами стран, могут различаться, однако в силу наличия эффективных механизмов межгосударственной координации они будут обеспечивать продвижение всех участников международного взаимодействия к достижению единой согласованной цели.

Как показывает опыт создания и функционирования региональных интеграционных объединений, построенных по модели «нового регионализма» в 1990-х и 2000-х гг., формирование набора региональных соглашений о свободной торговле может оказаться

¹¹ Афонцев С. А. Мировая экономика в поисках новой модели роста // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 2. – С. 3–12.

куда более эффективным в деле дальнейшей либерализации международной торговли, чем многолетние переговоры в глобальном формате. Скоординированные региональные инициативы, направленные на обеспечение свободного доступа на рынки и защиту конкуренции, могут оказаться столь же многообещающими.

Осуществление подобной координации в рамках «Большой двадцатки» даст возможность не только компенсировать ограниченный прогресс в рамках Дохийского раунда переговоров ВТО, но и вдохнуть новые силы в такие региональные инициативы, как «АСЕАН+3» и Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство.

Таким образом, даже глобально значимые инициативы могут выигрывать, если они будут дополнены использованием более узких форматов сотрудничества, способных обеспечить учет интересов конкретных стран¹². Хотя такой подход часто подвергается критике за то, что он игнорирует интересы стран, остающихся «за бортом» соответствующих форматов, данная стратегия выглядит безусловно привлекательной в ситуациях, когда «подлинно глобальные» решения (либо их имплементация) оказываются заблокированы из-за конфликта интересов между ключевыми международными игроками. Инициативы в финансовой сфере, выдвинутые странами БРИКС в 2014 г., наглядно иллюстрируют потенциал данного подхода.

Финансовые инициативы БРИКС

Наряду с политическими заявлениями, сформулированными в итоговой декларации состоявшегося 15 июля 2014 г. саммита БРИКС в г. Форталеза (Бразилия)¹³, в ней были выдвинуты две важные финансовые инициативы, которые потенциально могут оказать большое влияние на экономики стран-членов. С одной стороны, было объявлено о плане создания Нового банка развития (НБР), призванного осуществлять финансирование инфраструктурных и иных проектов развития. С другой стороны, должен быть создан валютный пул стран БРИКС (Contingent Reserve

¹² Darvas Z. G20: Quo Vadis? In: Who Will Govern the New World. The Present and Future of the G20. – Beijing: Social Sciences Academic Press, 2014. – P. 59–70.

¹³ Форталезская декларация. Принята по итогам шестого саммита БРИКС, г. Форталеза, Бразилия, 15.07.2014 г. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4f1dd6741763252a8.pdf> (дата обращения: 04.12.2014).

Arrangement), который будет служить коллективным механизмом борьбы с финансовыми рисками и одновременно обеспечивать повышение роли валют стран-членов в мировой экономике.

НБР задуман как многосторонний финансовый институт, деятельность которого будет направлена на решение инфраструктурных проблем и достижение целей устойчивого экономического развития стран БРИКС, а в перспективе – и других стран с развивающимися рынками, которые изъявляют желание присоединиться к данному механизму. Для успешного выполнения этой миссии НБР должен опираться на финансовые ресурсы, достаточные для поддержки проектов, способных принести системный эффект в развитии экономики стран-членов. С учетом размера первоначального объявленного капитала НБР (100 млрд долл.) эта задача может оказаться вполне реалистичной.

Существенно, что дизайн механизма НБР хорошо согласуется с общими приоритетами развития и внешнеэкономического сотрудничества стран БРИКС. В частности, он полностью соответствует актуальному в последние годы «восточному вектору» экономической стратегии России. С одной стороны, ее сибирские и дальневосточные территории испытывают колоссальные потребности в притоке инвестиций, которые позволили бы создать новые производственные мощности и развитую экспортную инфраструктуру. С другой стороны, закрытие для российских компаний западных финансовых рынков в результате политики санкций ведет к тому, что экономики стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) рассматриваются в качестве все более значимых источников инвестиций. В этом отношении поддержка со стороны НБР может способствовать формированию показательных «историй успеха», что станет дополнительным фактором привлекательности российской экономики для инвесторов из стран АТР.

Ключевым, однако, является вопрос о размере и временных горизонтах финансирования. В соответствии с достигнутыми договоренностями капитал НБР на начальном этапе работы (первоначальный подписной капитал) будет составлять 50 млрд долл. Из этой суммы 10 млрд долл. будут собраны в течение семи лет на основе взносов стран-членов БРИКС в равных долях. Строго говоря, эта сумма не так велика, а срок ее формирования – достаточно продолжителен. Для сравнения: один только проект модернизации порта Зарубино в Приморском крае требует инвес-

тиций в размере не менее 3 млрд долл., не говоря уже о проекте строительства газопровода «Сила Сибири» для поставок российского природного газа в Китай, который потребует в ближайшие годы как минимум 55 млрд долл. капиталовложений. Еще 40 млрд долл. НБР сможет предоставлять по запросу в качестве гарантий. Хотя гарантии – не абсолютный эквивалент «живых денег», представляется, что именно выделение гарантий будет иметь критически важное значение для успеха операций НБР. С учетом этого для продуктивного начала операций НБР в 2016 г. необходимо скорейшее создание транспарентных механизмов подачи заявок на получение гарантий, а также четких критериев, в соответствии с которыми эти заявки будут рассматриваться.

Хотя в роли учредителей НБР будут выступать страны БРИКС, впоследствии к данному финансовому механизму могут присоединиться и другие страны, которые внесут дополнительный капитал (при этом доля стран-членов БРИКС в капитале НБР в любом случае не может упасть ниже 55%). Страны-члены Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – наиболее вероятные кандидаты на участие в механизме НБР. Из этих стран только Казахстан может рассматриваться в качестве потенциально значимого донора. Тем не менее участие стран-членов ШОС в реализации проектов, финансируемых НБР, будет соответствовать интересам стран-членов БРИКС, в первую очередь России и Китая.

То же самое справедливо применительно к странам, являющимся «партнерами ШОС по диалогу». Беларусь как член Таможенного союза (и создаваемого Евразийского экономического союза), Шри-Ланка как близкий союзник Индии и Турция как страна с динамично развивающейся рыночной экономикой (а также активный член «Большой двадцатки») являются желанными партнерами НБР.

Менее очевидна ситуация со странами-наблюдателями в ШОС. С учетом высокой политической нестабильности в Афганистане, проблемного внешнеполитического положения Ирана и напряженных отношений Пакистана и Индии, из числа стран-наблюдателей лишь у Монголии не будет очевидных препятствий в сотрудничестве с НБР. В случае, если расширение членства в НБР окажется успешным, оно будет способствовать складыванию «экономического измерения» в деятельности ШОС, дискуссии о котором идут уже более 10 лет, а также реализации

многосторонних проектов экономического сотрудничества с участием стран Центральной Азии.

Если НБР как финансовый механизм БРИКС по характеру своих функций может быть сопоставлен с Всемирным банком (разумеется, с оговорками, касающимися размера располагаемых средств)¹⁴, сравнение валютного пула стран БРИКС с МВФ является не менее показательным. Создание такого пула в эквиваленте 100 млрд долл. позволит странам БРИКС чувствовать себя в большей безопасности в периоды нестабильности финансовых рынков. Этот механизм вряд ли окажется критически важным для России и Китая, которые смогут претендовать на получение из него 18,0 млрд долл. и 20,5 млрд долл., соответственно, что не так много по сравнению с общим объемом международных резервов двух стран. Однако для других стран БРИКС (в первую очередь Бразилии и Южно-Африканской Республики) этот механизм может быть весьма полезным.

Немаловажное его преимущество заключается в том, что до 30% средств валютного пула, на которые может претендовать страна, может быть получено без предварительного одобрения ее антикризисной программы со стороны МВФ. Кроме того, сам факт создания нового антикризисного механизма может послужить важным фактором повышения уверенности участников финансовых и валютных рынков стран БРИКС.

В то же время остаются серьезные вопросы относительно работоспособности механизмов валютного пула с учетом того, что он создается на основе национальных валют стран-членов БРИКС. По крайней мере в краткосрочной перспективе эти валюты не имеют шансов занять ведущие позиции на глобальных валютных рынках¹⁵. В соответствии с данными Банка международных расчетов, наиболее успешная из валют стран БРИКС китайский юань, в 2013 г. обслуживала 2,2% глобального оборота валютных рынков по сравнению с 87,0% у доллара США, 33,4% –

¹⁴ В этом отношении возможности НБР во многом аналогичны возможностям региональных банков развития; см.: *Strand J. R. Global Economic Governance and the Regional Development Banks*. In: Moshella M. and Weaver C. (eds.). *Handbook of Global Economic Governance. Players, Power and Paradigms*. – NY: Routledge, 2014. – P. 290–303.

¹⁵ *Афонцев С. Доминирование доллара: есть ли альтернативы // Россия в глобальной политике*. – 2014. – Т. 12, № 4. – С.120–129.

у евро и 23,0% – у японской иены¹⁶. Позиции национальных валют других стран БРИКС еще слабее (менее 1% глобального оборота валютных рынков у бразильского реала и индийской рупии, и еще меньше – у российского рубля и южноафриканского ранда).

В этих условиях доступ к средствам, номинированным в национальных валютах стран-партнеров, может иметь ограниченное значение для оказавшихся в проблемной ситуации стран БРИКС. Улучшение ситуации возможно лишь в том случае, если валюты стран БРИКС повысят свою долю на глобальных рынках и, в частности, если более высокая доля торговли между странами БРИКС будет осуществляться в национальных валютах.

Усилия стран БРИКС (в первую очередь России и Китая) по повышению роли национальных валют в обслуживании внешнеторговых и финансовых сделок будут способствовать укреплению механизмов валютного пула, и наоборот, успешное осуществление операций валютного свопа с использованием соответствующих механизмов внесет вклад в «интернационализацию» рубля и юаня.

Таким образом, валютный пул стран БРИКС будет иметь значение в первую очередь для отношений собственно между странами – членами пула. Это расширяет круг открытых для них возможностей, но не отменяет необходимость участвовать в инклюзивных механизмах управления международными валютными рынками. Тем не менее клубные механизмы описанного типа заслуживают безусловного внимания и поддержки. Немаловажное значение имеет тот факт, что побочным эффектом их создания могут стать общие сдвиги в структуре управления глобальными экономическими процессами. В условиях, когда глобальные функции по-прежнему выполняются ограниченным кругом валют экономически развитых стран, а реформа международных финансовых институтов фактически блокирована, создание клубных форматов взаимодействия может стать альтернативной стратегией повышения влияния ведущих стран с развивающейся экономикой на глобальные экономические процессы.

¹⁶ Поскольку в каждой сделке участвуют две валюты, сумма долей национальных валют составляет 200%. См.: Triennial Central Bank Survey. Foreign exchange turnover in April 2013: preliminary global results. Bank for International Settlements, September 2013.